

КАРТОФЕЛЬ

12 октября 2019

ИСТОРИЯ, НАЧИНАЮЩАЯСЯ В АДАПАЗАРЫ

Сегодня в центре — еда, земледелие, семена, политика животноводства, продовольственный суверенитет. Бремя индустриального земледелия для жизни и планеты, превращение еды в товар, наш разрыв с процессами производства еды, трудности существования и миграция — и возникающие против этого альтернативные модели, сопротивление традиционного земледелия, передача знания между поколениями. Картофель удерживает все эти разговоры вместе.

Земледелец выходит на сцену — он бежал, из деревни в такси, из такси пешком, две остановки бегом, чтобы успеть. «Картофель вызывает у меня столько ассоциаций», — начинает он. Картофель был впервые посажен в Турции в Адапазары, и детство этого земледельца прошло там. Он помнит этот картофель: не очень красивый, чуть кривой, бесформенный, но разжигали костёр, бросали в золу, посыпали солью, ели. Вкус приходил не от формы, а от земли.

Но большей части того картофеля уже нет. Индустриальное земледелие вымело местные сорта. Корпоративные семена дают однотипный продукт — то, что весь картофель в супермаркете одинакового размера, — не случайность, а итог политики стандартизации. Аномальные картофелины, бесформенные картофелины остаются за пределами рынка. Чем уже становится генетический пул, тем слабее устойчивость к болезням — зависимость от одного сорта — рецепт голода.

Земледелец рассказывает о машинке для разделения семенного картофеля — простой инструмент, пришёл за шестнадцать дней, теперь его начали покупать даже сельские управы. Из одного картофеля получается три-четыре, иногда шесть-семь разных семенных. С местными семенами урожайность выросла на тридцать-тридцать пять процентов. И этот рост начал ломать у земледельцев заблуждение «местные семена не урожайны». Затем — постоянные обучения, добровольные эксперты — четыре-пять обучений в год, без усталости.

«Мы были в обманутой точке зрения. Говорили, корпоративные семена лучше. Начали пользоваться машинкой — с местными семенами урожай взлетел.»

МЕТАФОРЫ АНОМАЛЬНОГО: МАТЕРИАЛЬНОСТЬ КАРТОФЕЛЯ

Второй голос принадлежит художнице, и она открывает совсем другое лицо картофеля: его материальность. Рассказывает, что из картофельного крахмала можно делать пластик. Безумный проект одного английского художника: он попытался с нуля сделать тостер — в тостере четыреста деталей, сталь, медь, слюда, пластик. Пластик он отлил из картофельного крахмала, но когда оставил на ночь сохнуть, его съели улитки. Даже провал несёт смысл: природа сохраняет свой цикл, что бы ни делал человек.

Это химическое превращение похоже на земледелие, говорит художница — упорядочить землю в ряды, упорядочить полимеры — это тоже импульс контроля. Уксус, словно земледелец, удаляющий с поля нежелательные сорняки, заходит между, освобождает от беспорядочных полимеров; глицерин, словно вода, просачивающаяся в почву, проникает между полимерами, связывает их, делает эластичными. Художница пробовала это дома — на кухне произвела пластик из воды, белого уксуса, глицерина и картофельного крахмала. Но настоящая история картофеля — в его материальности: растение, выдающееся

стойкостью — в темноте, в сухом месте, может храниться четыре-пять месяцев, долгая жизнь по сравнению с другими овощами. Когда сегодня он превращается в биопластик, он выдвигается своей преходящестью: в природе разлагается за два месяца. От стойкости к преходящему — картофель играет со временем.

Фильм Аньес Варда 2000 года «Сборщики и я» входит в это обсуждение. Варда наблюдала за людьми, вытесненными из общества и собирающими аномальные продукты, остающиеся на поле после жатвы — вдохновлённая картиной собирателей Жана-Франсуа Милле 1857 года. Сердцевидные картофелины стали подписью Варды: метафора того, что выпадает из порядка, растёт с двух концов, иных форм жизни. Варда и сама была аномальна: в очень почтенном возрасте перешла в современное искусство, говоря «в моём возрасте кто придёт на выставку», поехала на Венецианскую биеннале в костюме картофеля, выставила инсталляцию «Patatutoria». После смерти Варды в 2019 году на её могилу вместо цветов приносят сердцевидные картофелины — наследие художницы живёт через клубневое растение.

«На картофель смотрят, говорят — заразит проказой. И в Библии не упоминается. К тому же растёт под землёй — подозрительно. Но когда приходит голод, другого выхода не остаётся.»

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ ПО СЛЕДУ КАРТОФЕЛЯ

Третье выступление сразу расширяет стол — идёт по следу картофеля сквозь мировую историю. Исследователь начинает с серебряных рудников Южной Америки: испанцы построили империю на серебре, добытом из Потоси, но на тех же кораблях везли в Европу и картофель. В Европе картофель сначала отвергают — по трём причинам: его нет в Библии (грех бродит), растение, выращиваемое под землёй, вызывает подозрение, а клубневая структура порождает страх проказы. Способ познания того времени работает по аналогии — если орех похож на мозг, значит, полезен мозгу. На что похож картофель? На проказу. Как описывает Фуко, лишь в XVIII веке начинают говорить «видимо, это работает не так».

Но войны и голод делают принятие картофеля неизбежным. Протестанско-католические войны разрушают Европу, начинается голод, люди вынуждены обратиться к картофелю. И одна особенность картофеля меняет всё: высокая калорийность на малой площади. Он не конкурирует с пшеницей — пшеница растёт на влажных, плодородных полях, а картофель — на горных вершинах, на каменистых землях, на участках Ирландии, где «выживает только корова». В каждой географии, куда он входит, начинается демографический взрыв: Ирландия, Германия, Китай (батат) — каждое общество, использующее картофель, быстро растёт. Этот рост населения делает возможным колониализм: Англия не только захватывает землю, она экспортирует и своих людей — в Австралию, Новую Зеландию, Америку. В инфраструктуре того, как она убивала местное население и заселяла земли своим, лежит калория картофеля. Исследователь добавляет: «я немного упрощаю, рассказываю так, будто причина одна», но строит свой аргумент сильно: точки демографических взрывов в мире совпадают с картой распространения картофеля.

«Если мы будем говорить об изменении климата, нам надо говорить и об этом. Картофель изменил мировую историю — устойчивый, кажется невинным, но беременен изменением нашей жизни.»

Один голос напоминает о понятии «капиталоцен»: не антропоцен, а эпоха, происходящая из капитализма. Цепь, связывающая картофель с колониализмом, колониализм с индустриальным земледелием, индустриальное земледелие с климатическим кризисом — внутри этого понятия.

БОАТЕПЕ: ИНАЯ ЖИЗНЬ В СЕЛЕ

Четвёртый голос приходит из карсского села Боатепе и приносит залу настоящий подарок: варёный карсский картофель и местные сыры. Продовольственный суверенитет перестаёт быть абстрактным понятием и становится опытом, касающимся вкуса — зал ест, пробует, нюхает. «Что будет, когда вы съедите этот картофель? Вспомните предыдущее выступление», — говорит кто-то. Земледелец ставит под вопрос настоящую причину миграции: она кажется экономической, но под ней — слабость социальной жизни, утрата чувства принадлежности. Люди не видят ценностей места, где родились — всё, шестьсот видов растений, считались «травой», пока ботанические исследования не выявили личность каждой.

«То, что подталкивает миграцию, выглядит экономическим, но в основе лежит слабость социальной жизни. Слабость чувства принадлежности.»

В Боатепе выстроена другая модель. Проведены ботанические и этноботанические работы — в регионе обнаружено более шестисот видов растений, все считались «травой», но у каждого своя личность, область применения, польза. «Бабушкины методы» — традиционное знание — соединено с университетским. Возрождено местное сыроделие. Сохраняются анатолийские породы животных: восточно-анатолийская красная пчела, серая анатолийская корова — один из основных генетических ресурсов крупного рогатого скота мира — кавказский Думан, чылдырский Кара. Единственный экомузей Турции — в Боатепе: турецкая нога движения, говорящего «я буду жить своей культурой», против давления индустриализации на местные культуры производства после 1950-х. В мире пятьсот семьдесят три экомузея, в Турции — один.

В программе город-село дети, приезжающие из города, в селе пекут хлеб, доят корову, делают сыр. Одна тётюшка рассказала: «Мы тут на этой горе кроме друг друга лица не видим. Когда вы приезжаете, для нас это большое событие. Пожалуйста, приезжайте раз в неделю. Но не чаще, не отнимайте у себя время». Солидарный туризм: турист не потребляющий, а производящий — неделю участвует в фермерских работах, сеет, тратит общий труд. Из Бельгии приезжают студенты аграрной школы, из разных стран — пары.

Принятый в 2005 году пищевой запрет смёл местные сыры с полок. Крупные сети добились закона: для местных продуктов — пять процентов полки. Но граждане сопротивлялись — останавливали автобусы на дорогах и заставляли распродать содержимое багажников. Приходили на самых роскошных машинах, чтобы купить эти продукты. Сообщение рынку: «Сколько бы вы ни запрещали, мы хотим вкусные и питательные продукты с чистых земель Анатолии». Сегодня в Стамбуле девятьсот семьдесят три точки продажи местных, органических, традиционных продуктов. Они заполнили место закрытых районных лавок.

ПОДЗЕМНЫЕ ЗВЁЗДЫ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ЗАКРЫТИЕ

Два перформанса открывают поэтическое измерение картофеля. Трое участников коллектива написали тексты независимо друг от друга в трёх разных городах, сняли видео — собрали без вмешательства друг в друга, доверяясь чувствам друг друга. Продолжение предыдущей коллективной работы о дыне: проработать фрукт или овощ одновременно как метафору и как реальность. Подземное и надземное, корень и звезда, семя и преобразование переплетаются: «Картофелины — и звёзды, и растения. Растения — и корни, и организмы». От Деметры приходит предупреждение: «Семейное древо очень разветвилось. Жизнь, которую ты ведёшь над землёй, в правильной ли пропорции с поиском звёзд под землёй?»

«Мы не должны исчезать, размножаясь. Не должны сдаваться, нагреваясь. Если мы умрём — мы должны умереть как звёзды. С достоинством сверхновой.»

Другой перформанс — группа из четырёх человек — построил истории вокруг картофеля: домохозяйка служит семье, солдат служит государству и наказан чисткой картофеля, папа служит религии и запрещает картофель. Каждый персонаж — часть служения, и в центре каждого — картофель: невинный и дьявольский,

стойкий и преходящий, подземный и надземный. Перформер рассказывает и свой путь: после первой встречи с birbuçuk о картофеле она решила соединить поэзию и видео, вывести из исследования историю.

На закрытии в сессии вопросов-ответов берёт слово земледелец, и зал на миг замирает: «Я в этом процессе ещё раз вспомнил, что наше производство, мелкое земледелие, — это ремесло, а ремесло в сути своей — искусство». Из двух живых существ, наиболее преуспевших в продолжении рода, одно — пшеница, другое — картофель, и мы собрались вокруг них, говорит другой голос, мы вокруг них, осознаёте ли вы это? Точка, где искусство соединяется с реальной жизнью, позволяет нам мечтать; мы знаем, что никуда не сможем пойти, не мечтая. Встреча о картофеле связывает художника с земледельцем, земледельца с исследователем, исследователя с перформером. Варёный карсский картофель на столе остыл, но его вкус остаётся в зале.